

Михаил Самарский

Радуга для друга

Посвящаю тем, у кого мёртвые глаза, но живые сердца.

Лучшее, что есть у человека, — это собака.

Т. Шарле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ДОРОГА К ДОМУ

Глава 1

Как собак нерезаных... Очень остроумно. Ни сесть, ни встать. Ай, да молодцы. Ай, да люди. Интересно, что бы вы сказали, если бы мы ввели в свою собачью речь подобный фразеологизм, но вывернутый наизнанку? Вот представьте такую ситуацию: приезжаю я домой с выставки, а соседский пёс у меня спрашивает: «Как успехи, дорогой? Много ли участвовало собак?» А я ему отвечаю: «Да как людей нестреляных...» Ну, и как вам выраженьице? Не думаю, что кому-то понравится. Вот так же и нам, дорогие наши двуногие друзья. Как тут не согласишься, что собака — это наглядный пример человеческой неблагодарности.

Да ладно уж, я в общем-то о другом. Смотрите, что происходит: хватают меня за уши, треплют за шею, суют в морду... Можно я буду говорить «лицо»? Ну так вот, суют в лицо всякую гадость... Впрочем, не буду кривить душой. Не гадость, далеко не гадость! Суют зачастую такую вкуснятину, что слюной можно поперхнуться. Однажды я чуть было не сорвался.

Стоим ещё с моим первым подопечным Иваном Савельевичем (царство ему небесное) перед пешеходным переходом, ждём, когда загорится зелёный свет. Моя задача: проследить, чтобы все машины остановились. Да не просто остановились, а в положенном месте. Вы думаете, зря для вас, людей, рисуют полосы перед светофором. Пользуясь случаем, прошу вас: товарищи

водители, не заезжайте за эту полосу. Зрячему человеку проще, он обогнул капот автомобиля и пошёл дальше. А мой подопечный не сразу может и понять, что я от него хочу — вроде же пошли по переходу, а тут поводырть тянет человека в сторону. Понимаете? Сказать-то я не могу, начинаю скулить, тянуть поводок, даже иногда гавкнуть приходится. Подопечный мой теряется, останавливается, чтобы сообразить, что это я вдруг такое вытворяю, тросточкой стук-стук-стук. Некоторые водители едва через окно не выскакивают орут: машину поцарапаешь, гад! А какой же он гад? Ему же нужно как-то определиться, что перед ним. Тут рукой не пощупаешь — можно такое нащупать, что и без руки останешься.

В общем, пока разберётся, тут светофор уже моргает, машины начинают порёвывать (к старту готовятся). Когда нетерпеливые водители давят на газ, это ещё полбеды. А есть такие идиоты, что ещё и сигналить начинают, дескать, давай-давай, слепошарый, проходи скорее. Или мне свистят, чмокают, типа, подбадривают. Если бы вы знали, люди, как я в такие моменты вас недолюбливаю. Иногда смотришь на вас и думаешь: да как же вам не стыдно-то? Ведь такая беда может со всяким случиться. Неужели, выиграв пару секунд на этом проклятом светофоре, вы получите удовольствие? Очень вас прошу, люди: увидев слепого с поводырём (ну, с таким как я), ведите себя как можно спокойнее и тише, не отвлекайте нас с человеком, не доводите до беды. Договорились?

Ну так вот, стоим перед «зеброй», и тут я правой ноздрёй чую умопомрачительный запах. Запах знакомый до боли в желудке — я уже слышал его, когда проходили мимо киоска с надписью «Куры-гриль. Шаурма». Стараясь не отвлекаться от дороги, кошу глазом и вижу такой смачный кусок курочки, поджаристый, золотистый, ароматный... До сих пор не знаю, как я в тот момент сдержался и не схватил этот деликатес. Всё-таки школа для собак многое значит.

Спасибо, конечно, вам за добро, за ласку, за желание угостить, но, люди, я же на работе! Понимаете? Я — не та изнеженная болонка или пуделёк, которые беззаботно гуляют со своими хозяевами, от скуки побрызгивая на столбики. Я работаю. Серьёзно говорю: я не просто иду со слепым человеком, я тружусь. И поверьте, работа у меня не такая уж и лёгкая. Моя задача довести подопечного туда, куда он запланировал, и чтобы он во время пути не разбил себе голову, не споткнулся, не упал, в конце концов, не промочил в луже ноги. Я обязан предупредить обо всех преградах, должен всегда успеть остановиться перед любым препятствием и дать возможность человеку проверить тростью, что перед ним. Если преграда перекрывает часть дороги, я отклоняюсь вправо или влево и обвожу подопечного, при этом ещё наблюдаю, чтобы он не прошёл под низко склонившимися ветками или ещё какой другой штуковиной на уровне его роста. В мою задачу также входит, чтобы подопечный не столкнулся с другими людьми. Если мы передвигаемся на автобусе или трамвае, я указываю вход, а потом — выход. В общем, забот хватает. Вы хоть представляете, что это такое — работать поводырём? Если вы скажете «да», не обижайтесь, я укушу вас. Не надо быть таким самонадеянным и скоропалительным. Не говорите сразу «да». Чтобы представить и понять мою работу, нужно самому со шлейкой на спине пару лет походить за этими беспомощными «хозяевами». Вы заметили, что я слово «хозяева» беру в кавычки?

Да, некоторые считают себя нашими хозяевами, хотя сами без нас и шага не могут ступить. Вот захочу я (между прочим, породистый лабрадор, даже говорят, родственник собаки одного известного политика), чтобы мой так называемый хозяин расшиб лоб о стену или, допустим, врезался в какой-нибудь столб, да мне это как на куст... пос-с-с-мотреть. Но я же профи, спец, меня в специальной школе обучали два года, а это по вашему примерно лет

десять. Вы за это время успеваете два высших образования получить. Конечно, я не позволю такой гнусности — подставить своего подопечного. Моя задача: уберечь его от всех этих недоразумений. Но обидно, когда говорят: твой хозяин. Те, кого я сопровождаю, не хозяева мне. Это мои друзья. И поверьте, даже из вас, людей, у них никогда не будет друга преданнее и беззаветнее, чем я. Вы можете скривиться, усмехнуться, закатить глаза, даже пнуть меня туфлём, но от этого ничего не изменится. Вы сами придумали поговорку «Хорошо, когда собака — друг человека, но плохо, когда друг — собака». Придумали, но не подумали, хотя бог наградил вас разумом и способностью размышлять. Что же плохого в том, что ваш друг собака? Да ладно... Я же понимаю, что вы имели в виду. Потому и не обижаюсь.

В общем, если вам интересна эта история, я продолжу. Мне уже пять лет. По человеческим меркам я в два раза старше своего подопечного (Сашке сейчас тринадцать человеческих лет). А раньше я работал у слепого пенсионера. Иван Савельевич был замечательным человеком и моим другом. Он даже мне иногда разрешал на своей кровати поваляться. Придём домой, Иван Савельевич снимет с меня все эти поводырские прибабасы, покормит, расчешет и говорит:

— Давай, Трисон, расслабляйся.

Вы думаете, мне легко ходить с этой шлейкой? Вечером, когда я от неё избавляюсь, так хочется на спинке поваляться, лапы задрать к потолку, вытянуться во весь рост, потом попрыгать, мячик погонять. Иван Савельевич никогда меня не ругал, даже в тот злополучный вечер, когда я разбил вазу. Понимал старик, что не нарочно. Мне было стыдно. Прижался к его ноге и потихонечку скулю. Иван Савельевич гладит меня и говорит:

— Не плачь, Трисон, бог с ней, с этой посудинкой. Посуда бьётся, жди удач.

Я до сих пор так и не понял, какая удача может быть от разбитой вазы? Пока не слышал, чтобы по телевизору об этом рассказывали. В общем, умер мой Иван Савельевич. Он умер, а меня вернули в школу. Как я по нему скучал. Кусок в горло не лез. Всё думал, кому же меня теперь отдадут...

Не знаю, какими путями, какими судьбами, но как-то в нашу школу приехал Сашка, нынешний мой хоз... подопечный.

Если вы зрячий и никогда не сталкивались с проблемами слепых людей, то поясню нарочно для вас. Прежде чем нас (собак-поводырей) передать новому хо... (тьфу, чёрт, надо же как внушили своими дрессировками) подопечному, мы должны провести какое-то время вместе. То есть привыкнуть друг к дружке, привыкаться, приглядеться. Хотя кто будет ко мне приглядываться, если они все слепые? Это я должен приглядеться. А они только прислушиваются, привыкаются, ну, и ещё прищупываются. На всякий случай, чтобы аллергии не было какой-нибудь или ещё какой гадости. У людей много всяких заскоков. Это мы неприхотливые

Хотя случается, что и мы тоже взбрыкиваемся. Да-да. Наша овчарка Лада из седьмого вольера так и не смогла найти общий язык со своей новой подопечной. Женщина вернула собаку обратно в школу. Кстати, отличная школа поводырей. Так что, если понадобится, обращайтесь. Меня, конечно, там уже нет, но мои друзья и подруги вас, поверьте, не подведут. Вы знаете, как нас там проверяют? Ого-го! Тесты всякие, испытания...

Иными словами, кого попало туда не берут. Мы — студенты этого университета — все обладаем уравновешенной психикой, не обращаем (во всяком случае, стараемся изо всех сил) внимания на посторонние шумы, совершенно не замечаем этих отвратительных котов и кошек. Нет, мы-то их, конечно, замечаем (как можно не заметить?), но я имею в виду, не обращаем на них внимания. Опять неправильно. И внимание мы на них обращаем. Но мы не имеем права на них реагировать, чем эти зеленоглазые твари часто пользуются. Серьёзно.

Вот вам недавний случай. Завожу я своего Сашку в подъезд (там много ступенек, и нужно быть крайне осторожным), в этот момент из двери выходит краля персидских кровей (или шерстей, кому как угодно), вся такая пафосная, с идиотским розовым бантом на шее, коготочки пострижены, хвостик надушен, ушки, словно маленькие локаторы (верть-верть в разные стороны). Вот клянусь вам собачьей честью, у меня и в мыслях не было на неё рычать, тем более, гавкать. А эта белобрысая дура как фыркнет, как хвост свой распушит, как спину выгнет, и — хрясь! — меня лапой по мор... по лицу. Если бы вы знали, как мне было обидно. Да если бы не мой Шурик, если бы не мой профессионализм и не моя ответственность, я бы этой истеричке одним щелчком хвост перекусил. Честное слово, от обиды чуть не заплакал. Пришлось немного вскульнуть — эта доморощенная «баронесса», несмотря на остриженные когти, всё-таки умудрилась поцарапать мне нос. Слизнул я

солонуватую каплю крови и повёл Саню домой. А что делать? Нельзя мне на этих дурочек отвлекаться...

Сашка до моего прихода в дом жил с мамой и бабушкой. Папа у них погиб в автокатастрофе. Оказывается, в тот роковой день, в машине вместе с отцом ехал и Шурик. Ему тогда было одиннадцать лет. Врачи вынесли приговор: радужка и хрусталик безвозвратно потеряны. Я мало чего понимаю во всех этих тонкостях, но после этой трагедии пацан перестал видеть. В семье поговаривают, что есть какой-то знаменитый доктор, который может вернуть Сашке зрение, но, когда это произойдёт, никому не известно. А пока я — его и доктор, и глаза, и друг.